

УДК 330,314

JEL F01

Проблемы общемировой цивилизации: экономические и экологические сдвиги

ТКАЧЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,*д-р экон. наук, профессор, зам. директора Института исследований МЭО, Финансовый университет, Москва, Россия**alaltkachenko@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы мировой цивилизации, являющиеся, по мнению автора, ключевыми в эпоху становления новой экономики. При оценке экологического прогресса особое внимание уделено сельскому хозяйству наименее развитых стран, где повышение производительности труда невозможно без роста профессионального образования сельских жителей, а передача новых агротехнологий необразованному населению неэффективна. Рассмотрен вклад стран Азии в мировое развитие, для улучшения качества жизни населения которых необходимо радикальное снижение интенсивности использования энергии и природных ресурсов. Судьба экономики XXI в. связана с постарением населения и решением проблемы роста качества системы социального обслуживания пожилого населения. К важным проблемам глобальной экономики отнесены вопросы «труда по уходу», рассмотрены возможности учета неоплачиваемого труда по уходу в системе национальных счетов. Сделан вывод о непродуктивности введения автоматической индексации пенсионного возраста к росту ожидаемой продолжительности жизни и о пенсионных накоплениях как важнейшем источнике долгосрочного капитала.

Ключевые слова: цивилизация; глобальная экономика; развитые страны; быстроразвивающиеся экономики; старение населения; экологически устойчивая экономика; азиатский век.

Problems of the Global Civilization: Economic and Environmental Changes

TKACHENKO A.A.,*Dr. of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia**alaltkachenko@gmail.com*

Abstract. The article deals with problems of the world civilization, which, in the author's opinion, are key in the era of transition to a new economy. Special attention is paid to the agriculture of the least developed countries relating to the assessment of environmental progress; in these countries, the increase in labor productivity is impossible without the growth of professional education of rural residents, and the transfer of new agricultural technologies to the uneducated population is ineffective. The contribution of the Asian countries to the world development is considered. They need a radical reduction in the intensity of energy and natural resources use to improve the quality of life of the population. The fate of the 21st century economy of the relates to the ageing and the solution of the problem of qualitative improvement of the social services system for the elderly population. The important problems of the global economy include the issues of labor for care. The possibilities of accounting for unpaid care work in the System of National Accounts and national estimates of the contribution of such labor to the GDP of a few countries are examined. It is concluded that

the introduction of automatic indexation of retirement age is unfruitfulness in accordance with the increase in life expectancy and the conclusion about pension savings as the most important source of long-term capital. **Keywords:** civilization; global economy; developed countries; fastest growing economies; demographic ageing; climate-resilient economy; Asian Century.

В статье рассматриваются некоторые проблемы современной мировой цивилизации, развитие которой подразумевает не только устойчивый экономический рост ради повышения качества жизни всего населения, но и иной подход к взаимозависимости решения экономических, социальных, демографических и экологических проблем. Важнейшие из них будут предметом данной статьи. Общемировая цивилизация очень мало продвинулась в решении задач, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН. Успешность дальнейшего пути, обозначенного теперь в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года как «17 Целей для преобразования нашего мира»¹, будет зависеть от принятия общих концептуальных подходов к вопросам развития человечества и решения проблем на основе долгосрочной стратегии.

Развитый и развивающийся мир современной цивилизации

Привычный тезис глобального развития, который существовал в течение нескольких десятилетий: «Юг отстает от Севера, развитые страны все более уходят вперед от развивающихся», в текущем веке становится несостоятельным. Этот же тезис распространяют на бедных и богатых как две полярные социальные группы любого общества и как бедные и богатые страны. Но если судить по индексу человеческого развития (ИЧР), который включает основные аспекты развития, то очевидно, что это представление также неверно. Если среднемировой показатель ИЧР вырос более чем на четверть за последние 20 лет, то в наименее развитых странах — более чем наполовину. Глобальная экономика меняется при очевидном росте влияния формирующихся экономик: доля развитых экономик в глобальном ВВП (в долл. США с учетом ППС) упала с 54% в 2004 г. до 43% в 2014 г.²

Существует устойчивый миф о росте разрыва между развитыми и развивающимися странами, о необходимости роста объемов помощи последним. По данным Программы развития ООН (ПРООН) (156 стран, 98% населения мира) видно, что за последние 25 лет большое количество стран и населения вышли из совокупной группы с низким уровнем человеческого развития: с 62 стран и свыше 3 млрд людей (1990 г.) эта группа сократилась до 43 стран и 929,2 млн чел. (2015 г.). За этот же период количество стран и численность населения в группах с высоким и очень высоким уровнем человеческого развития в совокупности выросли с 47 стран и 1,2 млрд чел. в 1990 г. до 105 стран и 3,7 млрд чел. в 2015 г.³

Само деление 188 стран мира всего на 4 больших группы устарело, это приводит к недостаточной дифференциации стран с разным уровнем человеческого и общего развития и даже к парадоксам в уровнях показателей. Так, (по данным Human Development Report 2016), средний валовой национальный доход в группе стран со средним уровнем развития (3-я группа) составляет 6,3 тыс., а в Самоа и Узбекистане, которые попадают в группу стран с высоким уровнем развития (2-я группа), этот показатель равен 5,4 и 5,7 тыс. соответственно при среднем по этой группе показателе — 13,8 тыс.

Говоря о достижениях в динамике ИЧР, доклад ПРООН «пропускает» второй элемент успехов в развитии: в наименее развитых странах за этот 10-летний период значительно снизилась рождаемость. Снижение в последней двадцатке (lower-20) из списка 189 стран по уровню ИЧР только у одной страны — Мали — суммарный коэффициент рождаемости (СКР) вырос с 6,8 до 6,9, а в большинстве значительно уменьшился. У 46 стран с низким уровнем человеческого развития СКР также снизился. Среди них такие густонаселенные, как Пакистан (185,1 млн чел.), Нигерия (178,5), Эфиопия (96,5), что оставляет этой группе стран «надежду» достойно войти в мир новой экономики. В среднем по группе стран с очень

¹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. A/RES/70/1. United Nations, 2015.

² Резюме. Доклад о человеческом развитии 2015: Труд во имя человеческого развития. UNDP. М.: Весь Мир, 2015. 48 с.

³ Human Development Report 2016. Human Development for Everyone. New York: The United Nations Development Programme, 2016.

низким уровнем человеческого развития СКР снизился с 6,0 (2000–2005 гг.) до 5,2 (2010–2015 гг.), но все еще значительно превышает показатель стран с высоким и очень высоким уровнем — 1,8 и 1,7 и почти в 2 раза показатель группы развивающихся стран в целом — 2,7 (Human Development Report 2016). Страны, в основном на африканском континенте, до сих пор сохраняющие высокий уровень рождаемости, вносят в современный рост мирового населения самый заметный вклад. Эта ситуация мало изменится до середины XXI в., что не может не влиять на проблемы глобальной экономики.

Международные организации считают, что в связи Целями тысячелетия прогресс измеряется с помощью шести показателей:

- 1) коэффициент материнской смертности;
- 2) доля деторождений при квалифицированном родовспоможении;
- 3) доля населения, пользующегося контрацептивами;
- 4) показатель рождаемости среди девушек-подростков;
- 5) охват дородовым обслуживанием;
- 6) неудовлетворенная потребность в услугах в области планирования семьи.

Выделение именно этих показателей ориентировано в основном на потребности наименее развитых стран. Набор выбранных показателей при всей их важности не актуален для значительной части мирового сообщества, поэтому предпочтительнее нам представляются другие показатели измерения прогресса в любой экономике независимо от ее уровня и положения в глобальном мире. Это младенческая смертность и ожидаемая продолжительность жизни, которые всегда точно отражают проблемы стран по важнейшим направлениям развития: экономического, социального, экологического, здравоохранительного, социально-доходного.

Развитые страны выделяют огромные суммы в рамках официальной помощи и убрали таможенные пошлины на 80% товаров из наименее развитых стран. Но все усилия останутся малоэффективными, если не будет выполняться Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (The United Nations Framework Convention on Climate Change, UNFCCC, 2015).

Экологический прогресс — условие развития новой экономики

От зеленой революции мир (прежде всего, быстрорастущих экономик) переходит к эпохе зе-

ленной экономики. Теперь он стоит перед новой дилеммой, связанной с позицией крупнейших экономик мира. Многолетние засухи в ряде стран Африки привели к длительным неурожаям и голоду, вызвавшему, в свою очередь, массовое движение населения этих стран на европейский континент, которое поставило перед Европой проблему «Бюджетных последствий текущего кризиса в связи с беженцами и миграцией» (30 июня 2016 г., Евросоюз)⁴. С другой стороны, возникает проблема усиливающегося вклада в усугубление экологической проблемы со стороны наименее развитых стран, где в условиях растущего сельского перенаселения, несмотря на рост сельской миграции в города, происходит все большее вовлечение в оборот земель в экологически уязвимых районах. Необходимо понимать различие двух импульсов современной нарастающей миграции. Первый толкает массы людей для переезда в страны с высоким уровнем социальной защищенности, который, как они надеются, будет обеспечен и им. Второй связан с желанием мигранта собственным трудом улучшить уровень своей жизни и жизни своей семьи. В этом случае мигранты могут легально переехать, например, из стран Центральной Азии в Казахстан, но найти работу на нелегальных условиях. Поэтому как различны первопричины этих импульсов, так и различно следует относиться к этим потокам, так как любая даже нелегальная работа [в данном случае речь не идет о противозаконной деятельности (наркотрафик, принудительный труд и т.д.)] приносит пользу экономике страны вхождения мигранта и удовлетворяет ее экономические потребности. А вот социальные выплаты и льготы ищущим лучшую жизнь придется в любом случае уменьшать, иначе поток беженцев будет лишь возрастать и станет непосильным даже для самых богатых стран.

В рамках глобального реагирования на изменение климата поворотным моментом в отношении к климатостойчивому будущему экономики (climate resilient) с низким уровнем выбросов углерода считается принятие «Повестки дня 2030» (Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development). Развивающиеся климатически устойчивые сельскохозяйственные технологии являются неотъемлемой частью устойчивого сельского хозяйства в эпоху новой экономики

⁴ 30–06–2016 — Joint hearing on Budgetary implications of the current refugee and migration crisis.

и изменяющегося климата. Это хорошо видно на примере Индии и Эфиопии, осуществляющих специальные программы. Правительство Эфиопии инициировало инициативу по экологически устойчивой зеленой экономике (CRGE), которая поможет реализовать амбиции достичь статуса страны «среднего дохода» до 2025 г. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) считает повышение производительности труда в сельском хозяйстве условием *sine qua non* для развития наименее развитых стран и для структурных преобразований в этом секторе экономики. При этом необходимо заметить, что, во-первых, такое повышение невозможно без роста профессионального образования сельских жителей, а передача новых агротехнологий необразованному населению неэффективна, если не бесполезна. Во-вторых, форсирование структурных преобразований может ускорить сельскую миграцию в города, где мигранты без профессии и образования смогут быстро люмпенизироваться, лишь усилив проблемы нищеты.

Трудом в таких первичных отраслях, как земледелие, рыбное и лесное хозяйство занято в мире более 1 млрд чел., включая большинство крайне бедного населения (люди, живущие менее чем на 1,25 долл. США в день).

На эти виды деятельности приходится значительная доля выбросов парниковых газов из-за применения неустойчивых моделей водо- и землепользования, вызывающих обезлесение и утрату биоразнообразия. Равновесие «экология — производство» уже не является нерешаемой проблемой для развитых стран, которые за прошедшие десятилетия после первой конференции и затем в рамках Киотского протокола сделали очень многое. В какой-то мере проблема может возрасти для быстроразвивающихся экономик, но, как показывает пример Китая, сами условия жизни заставят правительства этих стран менять свою политику.

Переход к зеленой экономике, который осуществляют и развитые, и быстроразвивающиеся, и часть наименее развитых стран — это вклад человечества в решение экологической проблемы, без которого добиться прогресса в устойчивом развитии невозможно.

Вклад стран Азии в мировое развитие

Системное решение проблем устойчивого развития новой экономики с «зеленым уклоном», контролируемой рождаемостью и роста благосостояния показали страны азиатского континента. Но

правительства быстроразвивающихся стран Азии и азиатские сообщества, не менее чем западный мир, осознают проблему последствий роста уровня жизни огромного по численности населения, для улучшения качества жизни которого необходимо радикальное снижение интенсивности использования энергии и природных ресурсов. Если около 3 млрд азиатских жителей достигнут к середине века современного среднего дохода европейца (20 тыс. евро в год), что эксперты называют термином «ожидаемое богатство», то это окажет огромное давление на популяционно-демографическую емкость Земли и Азиатского континента.

И хотя понятно потенциально перспективное будущее этого региона, который к середине века станет производить более половины мирового ВВП, употребление в этой связи термина «азиатский век» представляется малопродуктивным по ряду причин как цивилизационного, так и экономического характера. Сможет ли так называемое азиатское ключевое сообщество, под которым понимаются круги ведущих политиков, лидеров большого бизнеса и ключевых лиц, формирующих общественное мнение, достичь консенсуса в отношении концепции и стратегии потенциального исторического роста Азии среди мирового сообщества наций? Япония, Индия и Китай уже определили свое место в мировой цивилизации и мировой экономике и вряд ли будут ориентироваться на долгосрочную перспективу развития Азиатского региона в целом при доминировании интересов субрегионов, каждый из которых имеет свои специфические проблемы. Единственная общая для государств Азии как континента долгосрочная проблема состоит в необходимости экологического оздоровления планеты. Но здесь уже просматривается единство интересов всего мира — стран, большинство из которых вполне осознают глобальность и серьезность этой проблемы.

Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что быстроразвивающиеся экономики Азии показали высокую способность региона поддерживать импульс эффективного развития. Но для его продления до середины текущего века требуется постоянная корректировка стратегии и политики для реагирования на изменяющиеся обстоятельства, которые приводят к смещению сравнительных преимуществ. Трудно говорить об Азии как некоем целом, которое имеет единые стремления и модели развития, но ясно одно — Азиатский регион будет продолжать идти

по пути к процветанию (как и вся человеческая цивилизация).

В своей работе “Asia 2050: Realizing the Asian Century” авторы подчеркивают приверженность и способность азиатских лидеров модернизировать институты управления и переустройства, но считают, что необходимо повышение прозрачности и подотчетности. В этой работе исследователи из Азиатского банка развития и Centennial Group Holdings, говоря о принципе междисциплинарности, подчеркивают необходимость использования множества данных об экономических, политических и культурных факторах, влияющих на развивающиеся рынки, для продвижения стратегий развития [1]. Какие российские программы, концепции или предлагаемые направления экономической политики учитывают культурные факторы, сообразуясь прежде всего с тем, что Россия является мультикультурной страной, построенной согласно Конституции на федеративной основе, предполагающей значительную автономию в решении сугубо экономических вопросов? Нет ответа.

Вполне логично, что успех стран Азии в укреплении взаимного доверия между основными экономическими континента имеет жизненно важное значение для регионального сотрудничества. Крупнейшей страной мира по численности населения в 2017 г. стала Индия, «опередив» прогнозы международных организаций. В докладе Давосского форума (2017 г.) говорится о том, что 65% детей, поступающих сегодня в начальную школу, в конечном итоге будут работать на совершенно новых типах работ, которые еще не существуют⁵. Поэтому перед этой страной, успешно осуществляющей различные программы обучения, стоит не менее амбициозная задача взрывного роста доходов населения и резкого расширения численности среднего класса. Авторы прогноза 2039 г. об Индии так символично и назвали свою работу «Богатое общество за одно поколение»⁶, считая, что экономическая экспансия сама по себе создаст добродетельный круг (в противовес известному понятию «порочного круга нищеты») повышенной производительности, увеличения экспорта и роста уровня жизни.

⁵ The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. Executive Summary. World Economic Forum. Cologny/Geneva, 2016.

⁶ India 2039: An Affluent Society in One Generationю Edited by: Harinder S. Kohli & Anil Sood. New Delhi, Delhi: SAGE Publications Pvt., 2010,

Экономические проблемы демографического старения

Мейнстрим споров о судьбе новой экономики связан с ростом числа людей старше 65 лет, доля которых будет только возрастать. Например, общемировой рост численности составит к 2050 г. 3,3 раза, увеличивая дефицит национальных пенсионных систем, который вместе с ростом нагрузки лиц рабочего возраста (15–64) пенсионерами преподносят как основную угрозу экономики в будущем. Это явно смещенная оценка ситуации. Во-первых, рост числа пожилых отражает национальные и общечеловеческие достижения в росте качества жизни. Во-вторых, рост нагрузки лиц рабочего возраста пожилым населением не идет ни в какое сравнение с нагрузкой работающих несовершеннолетними, которая также будет возрастать в самых экономически проблемных странах. В-третьих, даже рост доли пожилых не является обоснованным аргументом для рекомендаций по повышению пенсионного возраста как неизбежной меры для многих стран. В странах с очень высоким уровнем развития на 100 чел. в рабочем возрасте приходится почти равное соотношение нагрузки молодыми и пожилыми — 26,1 и 25,8 чел. соответственно (но и здесь нагрузка молодыми пока преобладает, а дефицит пенсионных систем существует давно). В странах с очень низким уровнем развития, соответственно 72,6 и 6,0 чел., что для нагрузки подрастающими поколениями значительно выше показателей развивающихся стран в целом — 42,7 и 9,6. Различия в нагрузке для крупнейших стран мира также значительны. В Индии соотношение составляет 42,9 в возрасте до 15 лет и только 8,3 старше 65 лет, в Китае — 25,1 и 13,1.

Даже такая компетентная организация, как Всемирный экономический форум (Давос), на 1-е место среди причин роста дефицита пенсионных выплат ставит увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения и лишь на 2-е — низкую доходность инвестиций пенсионных фондов. Если говорить о проанализированных экспертами Давосского форума шести национальных социальных системах, имеющих значительные проблемы с «пенсионным дефицитом», то мера постарения населения у них значительно различается, так же, как и ситуация в двух крупнейших странах мира, присутствующих в докладе⁷.

⁷ We'll Live to 100 — How Can We Afford It? White Paper. World Economic Forum. Cologny/Geneva, 2017.

Таблица

Оценка пенсионных систем

Страна	Доля лиц в возрасте 65+	Melbourne Mercer Global Pension Index (октябрь 2016 г.)			
		Общая величина	Величина субиндексов		
			адекватность	устойчивость	целостность
Нидерланды	18,7	80,1	78,2	77,0	87,7
Австралия	15,3	77,9	76,0	74,1	86,1
Канада	16,6	66,4	68,0	58,8	74,5
Великобритания	18,0	60,1	55,5	48,8	83,2
США	15,2	56,4	53,5	57,1	59,9
Китай	10,0	45,2	58,2	29,7	46,0
Индия	5,8	43,4	39,5	40,9	53,4
Япония	26,9	43,2	48,5	24,4	60,9

Источники: Melbourne Mercer Global Pension Index, 2016. Australian Centre for Financial Studies. Melbourne, 2016, p. 8; World Bank Data.

Эти страны применяют различные пенсионные схемы и имеют различный уровень охвата населения государственными (public) пенсионными выплатами. Поэтому для стран с низким уровнем охвата — Индии и Китая — более существенен вопрос роста доли пожилого населения, которому был бы гарантирован хотя бы минимальный уровень государственного пенсионного обеспечения. Представляется, что молодые поколения Индии способны эффективно ответить на 28-кратный рост дефицита пенсионных выплат к 2050 г. В настоящее время ежегодные темпы прироста заработной платы в Индии составляют 10%, что заметно выше показателя Китая — 6%. Посмотрим на различия этих стран по Глобальному пенсионному индексу (Melbourne Mercer Global Pension Index, MMGPI), позволяющему сравнивать различные пенсионные системы (см. таблицу).

Каждый субиндекс состоит из пяти показателей, но имеет разный вес в агрегированном индексе: адекватность (достаточность) пенсионной системы — 40%, устойчивость — 35% и целостность — 25%. Нидерланды наряду с Данией являются лидирующими странами по MMGPI с показателем выше 80 баллов. Великобритания и Нидерланды, также как Бельгия, Люксембург, Дания, Франция, Швеция и Ирландия, входят в число тех европейских стран, где даже в 2060 г. коэффициент демографической нагрузки пожилыми будет составлять

менее 50%⁸, что представляется вполне приемлемым для преодоления угрозы дефицита как со стороны государственной пенсионной системы, так (и особенно) частной. В то же время в самой «старой» стране мира Японии — один из самых низких показателей среди 27 стран, что свидетельствует о системности проблемы пенсионной нагрузки в этой стране. И хотя в Австралии, Великобритании, Италии, США, Японии 90% лиц старше 65 лет получают государственную пенсию, величина самих пенсий весьма разнится, что связано с принятой пенсионной схемой, где госпенсия может играть лишь вспомогательную роль. Например, в США ежегодный размер пенсии — более 16 тыс. долл. США, в Нидерландах — более 25 тыс., в Австралии — только около 10 тыс. (рассчитано автором по данным национальной статистики стран по курсу долл. 2015 г.).

Проблема роста качества системы социального обслуживания пожилого населения в XXI в. представляется одной из важнейших в новой экономике. Самой непродуктивной мерой как с социальной, так и с экономической точек зрения мы считаем введение автоматической индексации пенсионного возраста к росту ожидаемой продолжительности

⁸ A Pan-European Pension Product. Filling the Pensions Gap and Refinancing the Economy. European Political Strategy Centre. Issue 26. June 2017.

жизни в ходе второй волны пенсионных реформ в ряде европейских стран после 2008 г. Подчеркнем, что рост числа пенсионеров означает и рост пенсионных накоплений, аккумулируемых в пенсионных фондах. С точки зрения финансового рынка содействие развитию пенсионных накоплений создаст важный источник долгосрочного капитала, который может быть использован для финансирования долгосрочных проектов по созданию рабочих мест и экономического роста в государствах со «старым» населением, прежде всего в странах — членах ЕС и Японии. Это также будет способствовать финансовой устойчивости благодаря углублению рынков капитала и снижению зависимости от банковских кредитов. Поэтому в новой экономике можно предположить развитие этих процессов благодаря усилению использования пенсионных накоплений как важнейшего источника долгосрочного капитала.

Европейские эксперты прогнозируют, что пенсионные доходы от государственных пенсионных схем будут падать, если политические реформы для смягчения последствий увеличения продолжительности жизни и демографических изменений не будут развиваться и дальше. Считается, что чем меньше возраст выхода на пенсию идет в ногу с увеличением продолжительности жизни, тем более серьезным будет падение. Если с первой частью вывода можно в какой-то мере согласиться, то вторая вызывает обоснованные сомнения: нет доказательств, что возраст выхода на пенсию должен идти в ногу с ростом ожидаемой продолжительности жизни. Во-первых, пенсионный возраст не менялся в развитых странах десятилетиями, в то время как продолжительность жизни росла постоянно, в большинстве стран — ежегодно. Во-вторых, рост продолжительности жизни даже на часть 1 года связан с огромными усилиями и достижениями каждого общества и цивилизации в целом, он обусловлен успехами социальной и экономической систем в устойчивом развитии, который также влияет на формирование пенсионных схем и пенсионных фондов. А вот деятельность последних (ее эффективность, соответствие процента прибыли общим процентам роста ВВП) во многих странах благополучна, а во многих — вызывает озабоченность.

Принцип «идти в ногу», по нашему мнению, во многом есть следствие практик некоторых стран по автоматической индексации возраста выхода на пенсию в зависимости от продолжительности жизни, но еще ни одна автоматическая индексация в любом виде не приводила к положительным

долгосрочным последствиям, а могла лишь на короткое время служить подпоркой в критической ситуации — далее она заводила в тупик, если не была вовремя остановлена или изменена на более взвешенную модель.

Процесс же роста продолжительности жизни и демографического старения населения — явление исторически долговременное, неизбежное и к нему надо относиться соответственно, не решая видимую часть проблемы простейшим, на первый взгляд, методом. Если общие установленные льготы и пенсионная схема с установленными взносами увеличились в объеме за 40 предшествующих лет (1975–2015 гг.) в странах ЕС в 32 раза, то почему то же самое не может произойти в последующие 40 лет (2010–2050 гг.), значительно уменьшив дефицит за счет роста доходов от частных пенсионных фондов и льгот? Например, снижение на один процентный пункт годовых расходов на обслуживание пенсионных активов приводит к увеличению активов пенсионной схемы на 27% после 40 лет взносов [2]. В новой экономике необходимо добиться решения проблемы неопределенности, риска и сложности, с которой сталкиваются все новые поколения занятых, выбирающие для себя подходящую пенсионную схему. Потребители не всегда ведут себя рационально, как это определено стандартной экономической теорией. Они часто, как считают эксперты ЕИОПА (Европейское управление по страхованию и профессиональным пенсиям), избегают или откладывают принятие решений, даже если это в их интересах⁹. Необходима стандартизация в рамках интеграционных объединений упрощенной информации о пенсионных схемах, которая помогает потребителям сравнивать предложения пенсионных фондов (их продукты) и преодолевать асимметрию информации.

Труд в XXI веке

В центре интересов развивающихся стран стоит неоплачиваемый и оплачиваемый «труд по уходу». Он также важен для развитых стран, но по другой причине. Для обеих групп стран проблема носит двоякий характер. Во-первых, это серьезная экономическая и социальная проблема современного глобального мира, так как «труд по уходу» остается вынесенным за рамки экономического фе-

⁹ Consultation Paper on the creation of standardised Pan-European Personal Pension products (PEPP). EIOPA-CP-15/006, 2015. Frankfurt, 2015.

номена, учитываемого в системе национальных счетов (СНС) и, следовательно, признаваемого как труд, увеличивающий ВВП. Несмотря на важность этого вида труда в человеческом развитии, он так и не находит отражения в экономических показателях. И если развитые страны мира идут по пути все большего гендерного равноправия в домашнем труде, все более усложняющейся техники для его облегчения, а следовательно, увеличивающейся стоимости каждого часа такого труда, то развивающиеся страны, где на этот вид труда тратится значительная масса времени женщин, хотели бы придать неоплачиваемому труду по уходу должное значение для оценки вклада женщин в домашние хозяйства и общины, а также привлечь внимание к их материальным условиям и благосостоянию. Труд по уходу остается незамеченным во многом из-за того, что является неоплачиваемым. Ряд развивающихся стран пытается измерить ценность такого неоплачиваемого труда, хотя варьирование имеющихся оценок слишком велико — от 20 до 60% ВВП. Вероятно, отсутствие общепризнанных методик оценки во многом сдерживает продвижение идей ученых к их практическому применению. Если исходить из национальных оценок таких крупных стран, как Индия (где стоимость неоплачиваемого ухода оценивается в 39% ВВП) и Южная Африка (15% ВВП), то в случае его учета в СНС при расчетах ВВП Индия переместилась бы в мировом ранжировании стран по объему ВВП с 7-го на 5-е место, обогнав Великобританию, а ЮАР — с 33-го на 30–31-е.

Во-вторых, это активно развивающееся поле взаимодействия рынков труда развитых и развивающихся стран, когда речь идет об оплачиваемом труде по уходу. ПРООН называет «поистине революционным документом» Конвенцию МОТ о достойном труде домашних работников, так как она создаст глобальные стандарты прав домашних работников по найму. Это одна из немногих пока

конвенций, которая, относясь к профессиональному слою занятых, в то же время способствует упорядочиванию взаимоотношений двух групп стран, так как в современном мире такая занятость все в большей мере связывается с трудом мигрантов из развивающихся стран, работающих не просто в развитых странах, а в экономиках стареющих обществ, требующих все большей доли квалифицированного труда по уходу за престарелым населением. Эту нишу занятости невозможно заполнить ни предложением на национальном рынке труда, ни родственниками пожилых лиц, ни социальными службами государственного толка. Домашние работники, среди которых преобладают мигранты-женщины, могут получать вознаграждение за труд (как оговорено в Конвенции) банковским переводом, банковским или почтовым чеком, что ставит этих работников в лучшие, по сравнению с занятыми другими видами труда, условия для превращения части заработной платы в ремиттансы.

Заключение

Международные организации более чем отдельные исследователи продвинулись в понимании категорий труда и занятости применительно к новой экономике. Доклад ПРООН (Доклад о человеческом развитии 2015: Труд во имя человеческого развития) расширяет рамки понимания труда за пределы производства с чисто экономической целью и под трудом предлагает понимать любую деятельность, которая может привести к человеческому благополучию в широком смысле слова как в настоящем, так и в будущем. К обычной триаде работодателей, работников и потребителей добавлен четвертый компонент — остальной мир, включая (и это необходимо выделить особо) будущих работников, т.е. подрастающие поколения, которые уже «трудятся» над созданием своего будущего человеческого капитала.

References

1. Kohli Harinder S., Sharma Ashok, Sood Anil. Asia 2050: Realizing the Asian Century. Washington DC, USA: SAGE Publications Pvt. Ltd, 2011. 412 p.
2. Bateman H., Mitchell O.S. New Evidence on pension plan design and administrative expenses: The Australian experience. *Journal of Pension Economics and Finance*, 2004, vol. 3, iss. 1, March, pp. 63–76.

